

ПОЭЗИЯ «КАВКАЗСКОЙ ССЫЛКИ» В КОНТЕКСТЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА

POETRY OF "EXILE IN THE CAUCASUS" IN STAVROPOL LOCAL TEXT CONTEXT

**L. Bronskaya
A. Serebryakov**

Summary. The article studies the phenomenon of Stavropol local text, the works of the poetic group "Exile in the Caucasus". Program texts, worldview and aesthetic principles of the poets are specified. Special focus is made on the integration into the literary process.

Keywords: local text, socio-cultural locus, culture nest, local chronotope, virtual dialogue with the poet, image of the place.

Бронская Людмила Игоревна

Д.филол.н., профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)
libron@yandex.ru

Серебряков Анатолий Алексеевич

Д.филол.н., доцент, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)
aasereb@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен ставропольского локального текста, творческая практика поэтической группы «Кавказская ссылка». Интерпретируются программные тексты, мировоззренческие и эстетические принципы поэтов. Особое внимание уделено их включенности в современный литературный процесс.

Ключевые слова: локальный текст, социокультурный локус, культурное гнездо, локальный хронотоп, виртуальный диалог с поэтом, образ места.

Исследуя обширный пласт российской культуры, культуру провинции, Н.М. Инюшкин обоснованно констатирует: «Можно с уверенностью утверждать, что хрестоматийные персонажи ... российской, а то и мировой культуры — Радищев, Лермонтов, Белинский, Ключевский, Мейерхольд — стали такими в значительной степени не вопреки провинциальной среде, которая формировала их в детстве и юности, а благодаря ей» [Инюшкин: 8]. При этом исследователь опирается на казавшееся парадоксальным высказывание В.О. Ключевского «В России центр на периферии», которое, однако, в последние десятилетия наполнилось новыми конструктивными смыслами [там же: 432]. Сложная диалектика взаимоотношений системы провинциальных локусов и исторически признанных национальных культурных центров способствует появлению и проявлению разнообразных вариаций локальных текстов, выражающих сущность происходящих духовно-нравственных изменений при сохранении концептуально значимых эстетических и этических констант, обусловленных образом места, памятью места, специфичностью локального хронотопа.

Для современной социокультурной ситуации характерны разнонаправленные векторы движения — глобализация и национальная идентификация, проявляющаяся в углубленной сосредоточенности на проблемах собственного социокультурного пространства. Возросшая интенсивность многоаспектного исследования локальных текстов предполагает наличие теоретической основы, методологической разработанности проблемы, эффективной методики анализа локальных текстов и свертхтекстов.

В последней трети XX века понятие *локальный текст* стало предметом пристального изучения литературоведов, лингвистов, культурологов, философов. Помимо исследований петербургского [Топоров В.Н.], московского [Люсьи А.П.], можно назвать блестящие работы по изучению пермского [Абашев В.В.], сибирского [Ковтун В.Н.], провинциального [Куприянов А.И.], усадебного [Щукин В.Г.] локальных текстов. Отметим, что предложенная Н.К. Пиксановым формула «областные культурные гнезда» содержит конструктивную модель описания феномена локальный текст. Ученый акцентирует внимание на социальной компоненте культурного гнезда: «Оно не мыслится без коллективной деятельности, оставляющей прочие объективные результаты» [Пиксанов: 61]. Региональный социокультурный локус, помимо коллективной деятельности, предполагает и коллективную самоидентификацию.

В 2012 году в Ставрополе было объявлено о возникновении поэтической группы с симптоматическим и прецедентным названием «Кавказская ссылка». Основателями этой группы были достаточно молодые, сорокалетние поэты. И Стас Ливинский, и Андрей Недавний, и Игорь Касько, и Александр Хомюк, и Амиран Адамия рождены в самом начале 1970-х годов. Их юность пришла на 1990-е годы, годы неразберихи, крушения пусть весьма несовершенных, но устоев, мелькания мод и, в общем-то, стремительной переоценки ценностей. Однако в 1990-годах все население России, по мнению современного культуролога и поэта Олега Юрьева, оказалось в «эмиграции»: «...и те, что не сдвинулись в места, — в не меньшей, если не в большей степени, чем те,

кто уехал. Страна (уже) стала другой, они (еще) оставались прежними» [Юрьев: 157].

Процесс адаптации к новым обстоятельствам, к новым эстетическим, а иногда и внеэстетическим запросам, и закономерностям оказался, мягко говоря, сложным — скорее всего, драматическим с элементами трагизма. Об этом читаем, например, у Игоря Касько в стихотворении «Человек тихонечко лежит...»:

*Свадьба, служба и рождение сына,
Смерть страны, которой больше нет...
Жизнь куда-то мчится и бежит.
Человек тихонечко лежит.
Человек не молод и не стар.*

Просто он устал [Здесь и далее цитирование из электронного ресурса, посвященного «Кавказской ссылке» <http://www.kavlink.ru/>].

Настроением глубокого разочарования проникнуто и стихотворение Стаса Ливинского:

*Вот фотография — ребята,
по восемнадцать шумных лет.
У них не оказалось блата.
Повестка из военкомата,
военный новенький билет.*

Каждый из участников поэтической группы «Кавказская ссылка», прожил свои 20 лет (от 1990-х к началу 2010-х) в поисках выхода из лабиринтов судьбы. У каждого своя собственная история и мировосприятие. У каждого свой маршрут в сложном мире рифмованных формул и образов. Однако стремление к искренности, скромности и свежести в творчестве, принадлежность к одному социокультурному локусу (Кавказ, исторически место ссылки и изгнания), сформировавшему их мировосприятие и отношение к эпохе, объединило их, таких разных, индивидуально непохожих, в их ощущении ограниченности бытия, его пересказанности:

*Театр. Вешалка. Программки.
Необъяснимый полумрак.
Привычно выходя за рамки
Души, не переносишь брак
В игре актёров, декораций
И притаившегося зала:
Как будто Мельпомена вкратце
Мне всё давно пересказала*
(Андрей Недавний)

*Преломим хлеб, мой царь, преломим хлеб
И будем жить как будто всё в порядке.*

*Как будто нету сорняков на грядке
И ереси заноз на сердце нет*

(Александр Хомюк)

Участники группы воспринимают поэзию как креативную познавательную деятельность, как производство скрытых смыслов, они ищут новые формы для привычных слов, они называют эти слова в необычном окружении, они осуществляют попытки познать себя в динамике изменений и постичь столь же стремительно меняющийся мир. Безусловно, им бы хотелось определить свой размер и вес в мире современной русской поэзии, однако, необходимого для этого определения пути они еще не прошли. По верному замечанию критика Дмитрия Кузьмина, представители новой русской поэзии — величины не абсолютные, а относительные и «выявляются со временем благодаря более или менее широкому и глубокому воздействию авторских художественных открытий на последующее развитие литературы и культуры» [Кузьмин: 8].

Само название группы «Кавказская ссылка» указывает не только, и не столько на географические обстоятельства круга поэтов, сколько на их эстетическую, ментальную и художественную вовлеченность в локальный кавказский текст, восходящий в своих истоках к творчеству декабристов, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого. Здесь ориентация и на классическую традицию (не на Серебряный, но на Золотой век), и выстраивание новой поэтической парадигмы: обращаясь к соратникам по поэтическому цеху, основатели группы сразу же уделили особое внимание профессионализму и эстетическому уровню произведений. Игорь Касько в одном из номеров «Записок провинциала» писал: «Мы изначально задали достаточно высокую литературную планку для всех желающих опубликовать у нас свои произведения, предполагая тщательный отбор и профессиональную критику подборок и материалов» [Касько, С. 3].

Сегодня поэтом быть трудно — необходима глубокая оригинальная мысль, некое глубоко индивидуальное чувство, претендующее на всеобщую значимость и требующее эмоционального вербального выражения. Олег Юрьев так высказался по этому поводу: «Только дыхание оправдывает применение такого в высшей степени неестественного способа изъясняться, как метрическое стихосложение. Почему? Потому, что и мы принимаем участие в процессе дыхания поэта, и нам достается этот воздух, добытый им из звукового хаоса» [Юрьев: 152].

Каждый читатель, начиная входить в новый поэтический мир, задается вопросом — как это сделано, как выстроен этот чудесный кристалл? Но вслед за первым вопросом напрашивается второй: что за человек живет

в стихах, что представляют его надежды, страхи, и так ли тяжки его грехи, как он манифестирует. Виртуальный диалог с поэтом предполагает не один, а множество эстетических критериев. Правы читатели, которые ценят те произведения, в которых скрыты множественные смыслы, лежащие не на поверхности поэтического текста, а выявляемые в результате духовного напряжения адресата. Следовательно, критерием оценивания современной поэзии становится эстетическое напряжение между смыслом и формой.

Поэтов «Кавказской ссылки» этот вопрос, безусловно, волнует:

*намолены слова,
разостланы страницы.
отточен карандаш
и... потекла строка,
как чёрная река,
в ладони светлой жрицы,
танцующей чардаш
под пение волхва.
причудливый узор
рифмованных иллюзий
в орнамент блёсток-звёзд
вплетаётся, искрётся...
вдруг исчезает грязь,
и чистым нежным блюзом
заполнился простор
на много-много вёрст... (Игорь Касько).
Банален мир, банален миф.
Из блоков — стены пирамид.
И для защиты пустоты —
из блоков я, из блоков ты.
Ночное небо — трафарет,
где новым звёздам места нет*

(Николай Туз)

В образной системе стихотворений поэтов «Кавказской ссылки» представления о творчестве, о рождении искусства, о возникновении художественного импульса коррелируют с такими ключевыми словами, как чистота (чистый нежный блюз), хрупкость (невидимые дети), мгновенное переживание счастья (счастье бумажное на удивленной ладони). В процитированных стихах творческий импульс противопоставлен грязи, банальности мира и мифа, его предрешенности.

Этот дуализм пришел, как нам представляется, из традиции русских романтиков первой трети 19-го века, опыт которых позднее был отрефлексирован И. Бродским. Конечно, двадцатилетние юноши в 1990-е годы (а, может быть, и раньше) читали будущего нобелевского лауреата, и его стихотворения (лучшие из которых написаны в период с 1958 по 1977 годы) им нравились. Именно

Бродский научил их соединению несоединимого — высокая лирика в художественной неразрывности образов обыденного и повседневного. Они писали и пишут, зная, как писал Бродский, но не как Бродский.

*Между радостью и грустью
мы бредём по захолустью,
по загаженному устью,
где гнилые камыши.*

*Ни кувшинок нет, ни лилий —
рыжий труп автомобиля
да бутылки из-под пива,
как тела из-под души (Николай Туз).
с осенью в сердце живу-существую...
осень течёт в моих выстылых венах,
листьями-каплями на мостовую
падает...
клянчит на грязных аренах
слёз жемчуга у несчастных прохожих
(родом из детства, но в детство невхожих),
смотрит глазницами луж в поднебесье,
молится ветру, дождю и туману...
осень из мёртвого сердца достану,
выброшу, к чёрту, угрюмую бестию
в снег, что случился под утро сегодня...*

*и по снежинкам взойду, как по сходям,
в зимнее небо...*

(Игорь Касько)

Конечно, у каждого поэта своя родословная, свои поэтические истоки, но то, что многое из 19-го века было увидено благодаря И. Бродскому, факт безусловный. Следует еще одно необходимое, на наш взгляд, уточнение. М. Эпштейн заметил применительно к творчеству поэтов, пришедших в поэзию в 1970-е — 1980-е годы: «Если искать какую-то общую художественную идею, объединяющую новых поэтов поверх всех стилевых различий, то в первом приближении ее можно обозначить именно как идею культуры» [Эпштейн: 130]. Идея культуры оказалась тем стержнем, который определяет природу художественности и в творчестве поэтов нового поколения.

Здесь необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство: и поэты, и их адресаты во второй половине 20-го века ориентировались на творческое наследие Серебряного века как на вполне оформившийся литературный канон; складывалось впечатление о последовательности наследования — от Пушкина к Тютчеву и Фету, от них к символистам и постсимволистам, далее формалистские эксперименты 1920-х — начала 1930-х годов и мощный поэтический взрыв второй половины 1950–1960-х годов.

В данном контексте важно именно то, что поколения, пришедшие вслед за Серебряным веком, осознавали себя его преемниками, при этом эпоха модернизма заставляла блистательные поэтические опыты предшествующих поколений.

Именно И. А. Бродский как прямой наследник Серебряного века (повторилась пушкинская ситуация — Анна Ахматова, «сходя во гроб», благословила будущего нобелевского лауреата) заглянул дальше этого самого века, заглянул в глубины Золотого века и был потрясен. Это потрясение, этот творческий импульс, этот восторг от неведомого (скорее — от неувиденного) отразился на поэтах последующих десятилетий, которые с поисках своей родословной уже не ограничивались 1910-ми годами.

Осознание этого родства отражается и на интонационной линии, и на интонационно-логической структуре текста, отход от «полистилистики» конца 80-х — первой половины 90-х годов прошлого века (она была наполнена иными, пусть и любимыми, великими голосами). Новые поэты ищут возможность говорить своим голосом, создавать свою поэтику, выбирать свою родословную. По точному замечанию Олега Юрьева, «поэт порождает своих предшественников... вольно или невольно, сознательно или бессознательно» [Юрьев: 182].

Новые поэты унаследовали от И. Бродского его стремление преодолеть ритмико-метрическое притяжение и вырваться в метафизические просторы. Вот прямое свидетельство самого Бродского: «...просто я хотел а) переплюнуть британцев, метафизиков... Дело в том, что поэзия — это колоссальный ускоритель мышления. Она ускоряет работу мысли. И вот я подумал — хорошо, Иосиф, тебе надо изложить на бумаге мысль или образ, или что угодно и довести до логического конца, где начинается метафизическое измерение. Так бы я сформулировал свою задачу, если бы умел это делать тогда» [Бродский 2, С. 3]

Что волновало основоположников «Кавказской ссылки», что волнует их сейчас? Речь идет именно о «метафизическом измерении». Думается, это и поиск подтверждений знаменитой формулы Данте «любовь, что движет солнце и светила», и прокручивание разнообразных вариантов встречи с Богом.

Так, у Александра Хомюка есть глубокое стихотворение «Я не умру. Меня возьмет Господь...». Вот сценарий этой встречи:

*Господь меня возьмёт. Я не умру.
Он мне сказал, что буду ко двору.
Что там крутое время настает,*

*Меня лишь одного недостаёт.
Господь меня возьмёт. Он обещал
За то, что не срывался я на ропот,
Когда в духах и духе обнищал.
Ему же похвала, что не торопит.*

Лирический герой уверен в том, что его «господь возьмет». Здесь безусловное соответствие христианской концепции о вечной жизни. В пасхальном гимне есть слова: «Христос воскрес, смертию смерть поправ, и сущему во гробех живот даровал...». Оставим в стороне вопрос о степени воцерковленности поэтов-основателей. Вообще, для поколения, родившегося в начале 1970-х годов, этот вопрос довольно сложен, однако ни атеистами, ни агностиками они не были. Если они и приходили к вере, то, как правило, стихийно, под влиянием каких-либо жизненных обстоятельств, и если следовать концепции современного литературоведа и культуролога А. Панченко, они выписывались в контекст народного православия. Правда, в «нулевые» годы стихийное начало у кого-то разрушалось, распадалось на мелкие, не всегда уловляемые чутким ухом поэта импульсы, у кого-то приобретало системный характер. Вот к таким алчущим мы можем отнести автора указанного выше стихотворения, не случайно оно завершается размышлением, чем лирический герой заслужил право на вечную жизнь — «За то, что не срывался я на ропот, / Когда в духах и духе обнищал».

О сложных отношениях поэта и Господа мы читаем у Стаса Ливинского. В стихотворении «Бог на последнем этаже...» разворачивается сложная метафора — поэт живущий на последнем этаже в многоэтажке, и Бог, живущий еще выше («печется о моей душе, / Листая старую подшивку / моих грехов, бранит паршивку...»). Паршивка (просторечие) в стихотворении у Ливинского — это душа. Однако Господь ведет себя как поэт (то есть как творец, им же и являясь): «При свете маленькой лампадки / всё время делает закладки. / Бросает в печь черновики. / Не отвечает на звонки». Но ведь и поэт как творческий человек, работая над очередным стихотворением, может не отвечать на звонки (они его отвлекают), ищет точное слово, неудачные строчки вымарывает, либо отправляет в печь, если она у него есть, либо в пакет с мусором:

*И я молчу. Я не жуужжу
в тоске по мировой культуре,
и всё под окнами хожу,
как кошка по клавиатуре.*

Поэты — Божьи дети, поэты — Божьи птицы... — этот образ находим и у Николая Туза в стихотворении, посвященном Виктору Казакову «Ты, говорят, живешь, как птица...»:

*Ты, говорят, живёшь, как птица,
ну а у птиц жизнь — не сахар.
Едва успеешь опериться,
уже всю ночь дрожишь от страха:*

*за все молчанья после пенья,
за окончание полёта,
за то, что все твои мгновенья
всегда подсчитывает кто-то.*

*Он сыплет в клетку крошки хлеба,
чтоб ты попел ещё немного.
А купол клетки — купол неба,
а клетка — в комнате у Бога*

(Николай Туз)

Исследователь новой русской поэзии рубежа XXI в. Н. Н. Гордиенко уточняет: «Говоря о современной поэзии, следует учитывать и тот факт, что она представляет собой сложный конгломерат реалистических и нео-реалистических, модернистских и постмодернистских

тенденций. На этом фоне ярко и отчетливо выделяется явление, сформировавшееся в последние десять-пятнадцать лет — современная православная лирика» [Гордиенко: 4].

В 2012 году поэты «Кавказской ссылки» выступили со своеобразным манифестом, где утверждались основные нравственные постулаты существования этой поэтической группы: «Мы не состоим в официальных писательских союзах, наша основная приносящая доход деятельность не связана с литературным трудом. ... Группа «Кавказская ссылка» — некоммерческий проект. Мы объединились для того, чтобы своим творчеством и реальными делами доказать, что у нас в городе и крае существует настоящая современная литература» [Касько: 3].

Такое понимание задач и ответственности поэта свидетельствует о значимости ставропольского локального текста, сформировавшегося — и формирующегося — в определенном исторически обусловленном социокультурном локусе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
2. Бродский И. А. Интервью Дэвиду Бетеа // Независимая газета, 27 января 2000 г.
3. Гордиенко Н. Н. Русская поэзия рубежа XX — XXI вв. в контексте православной духовной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008, 18 с.
4. Инюшкин, Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза: Б.и., 2004. 440 с.
5. «Кавказская ссылка» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kavlink.ru> (Дата обращения 20.01.2019)
6. Касько И. Кавказская ссылка // Записки провинциала, 8 августа 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://litlive.ru/topics/ayrapetyan/viewpost/299>
7. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Вып. VI: Монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2015. 384 с.
8. Кузьмин Д. Русская поэзия в начале XXI [Электронный ресурс] URL: <https://polutona.ru/fest/2007> (Дата обращения 20.01.2019).
9. Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. 480 с.
10. Люсьи А. П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. М.: Издат. дом «Вече»; «Русский импульс». 2013. 320 с. 11. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: историко-краеведческий семинар. Введение в изучение, темы для культурно-исторических краеведных работ, систематическая библиография, руководящие вопросы. М. — Л.: Гос. изд-во, 1928. 148 с.
11. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург: «Искусство — СПб». 2003. 616 с.
12. Щукин В. Г. Российский гений просвещения. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 608 с.
13. Юрьев О. Заполненные зияния. Книга о русской поэзии. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 312 с.
14. Эпштейн М. Поэзия и сверхпоэзия. О многообразии творческих миров. СПб.: Азбука. 2016. 580 с.

© Бронская Людмила Игоревна (libron@yandex.ru), Серебряков Анатолий Алексеевич (aasereb@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»